

>>> домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе соперника, — как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Поистине страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы вновь овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан победной необходимостью.

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государя внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, что Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу. Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь — испанскому коро-

КУРСЫ КРОЙКИ И ШИТЬЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУХНЕ

А. Левинтов

Согласно закону Гашека о дезинтеграции любой правящей партии (партии большинства, правительственной партии), «Единая Россия» обречена на развал при длительном пребывании у власти (либо надо уничтожить политическое пространство, как это было сделано РСДРП(б)). При этом следует не забывать, что эта партия генетически связана с тремя недружественными друг другу партиями, что межпартийные противоречия не только не сгладились, но еще более усилились, и что объединение этих трех партий носило не содержательный характер (речь идет о политическом или идеологическом единстве), а по клановому признаку принадлежности к деньгам и власти. Именно поэтому на знаменах партии, представляющей интересы наиболее коррумпированной части чиновничества и общества, написана борьба с коррупцией, то есть внутрипартийная борьба.

В политической истории многих стран можно проследить тренды: смещения партий влево или вправо, пульсаций сокращения или увеличения числа партий и их популярности. В этом отношении США вообще не имеют политической истории. У нас за период существования альтернативных выборов (период, приближающийся по своей продолжительности к такому значащему промежутку истории как время между двумя мировыми войнами) наблюдается очень выразительный тренд: сокращение числа политических партий, общее и особенно претендующих на присутствие в парламенте, а также «утяжеление» веса партии власти, как бы она ни называлась. «Наш дом — Россия», «Единство», «Единая Россия» или еще как-нибудь. Этот тренд деполитизации, уже имевший место в стране в 20-е годы 20-го века, порождает законный вопрос: а может, нам ввести закон о том, что ни одна партия не имеет права быть правящей более двух сроков? Впрочем, что нам все эти законы? У нас никто не отменял аналогичный закон

относительно пребывания человека в Госдуме, однако такие личности как Зюганов, Жириновский и др., кажется, прописаны в Думе пожизненно. Да и куда они теперь денутся, эти думские профессионалы? Ведь профессиональной партийной действительности у нас нет.

Синистризм, о котором говорит М. Дюверже, играл и продолжает играть решающую роль в политической истории страны. Видимая гегемония и монополизм КПСС породили мощную альтернативу, которая фактически смяла эту партию в конце 80-х-начале 90-х годов.

Явление синистризма вылилось в «оранжевую» и прочие цветочные и цветочные революции. Каков механизм этого явления?

В выборах участвует обычно не более или чуть более половины граждан. Часть из них не голосует, не интересуясь политикой, часть — не видя в предлагаемом политическом меню себя и своих запросов, часть просто лишена голоса (в тюрьмах, армии и других местах принудительного мнения). Кроме того, часть населения, не обладая гражданскими правами, имеет свои политические представления и пристрастия, как правило, экстремальные (речь идет о тинейджерах).

Это означает, что за пределами избирательной системы имеются довольно мощные социальные слои, из которых можно сформировать своеобразный «народ», обладающий политической волей. Этот революционный класс либо формирует новую партию, либо организует движение поверх и помимо выборов, а лидеры и трибуны этих движений становятся не только национальными лидерами, но и почти вынуждены устраивать трибуналы над свергнутой избирательной демократией.

В безгласной и молчаливой толпе неучаствующих в выборах всегда зреет аристократия молчания, брезгующая тягаться с политическими фиглярами, но готовящая сокрушительный удар по передвижному цир-